

Вестник Костромского государственного университета. 2023. Т. 29, № S. С. 79–84. ISSN 1998-0817

Vestnik of Kostroma State University, 2023, vol. 29, № S, pp. 79–84. ISSN 1998-0817

Научная статья

5.9.5. Русский язык. Языки народов России

УДК 811.161.1

EDN DDPOZN

<https://doi.org/10.34216/1998-0817-2023-29-S-79-84>

**К РЕКОНСТРУКЦИИ ЛИНГВОКУЛЬТУРНЫХ ОСОБЕННОСТЕЙ
БАРОЧНОГО СУДОХОДСТВА НА ВОЛГЕ
(по «Материалам для словаря русского народного языка» А.Н. Островского)**

Окуловская Светлана Владимировна, кандидат филологических наук, преподаватель кафедры русского языка Военной академии радиационной, химической и биологической защиты имени Маршала Советского Союза С.К. Тимошенко (г. Кострома), Россия, e-mail: Okulovskaja_Svetlana@rambler.ru

Аннотация. В статье даётся реконструкция лингвокультурных особенностей одного из наиболее распространённых некогда в Центральной России явлений – барочного судоходства, которое многопланово раскрывается при изучении «Материалов для словаря русского народного языка» А.Н. Островского. В отобранных автором для оригинального словаря лексемах и детальной их интерпретации отражается специфика познания окружающей действительности народом, жившим в Поволжье. Лексему *барка* здесь можно назвать скрепой, пронизывающей и сшивающей воедино ту значительную по объёму часть словаря, что тематически непосредственно связана не только с речным транспортом, но и обычаями людей, традиционно занимающихся речным промыслом. Лексико-семантическое поле «судоходство», ядром которого является слово *барка*, представлено здесь характерной для Волжских регионов лексикой, которая играет значительную роль в этнодиалектном описании ареала. «Материалы..» А.Н. Островского показывают, что барочное судоходство являлось тем значимым элементом культуры Поволжья, который обладал своими специфическими артефактами, связанными с ними традициями и соответствующей профессиональной лексикой. Подтверждают сделанные выводы данные современного русского языка, где сохраняются многие лексемы подобной тематики, но зачастую с новым смысловым наполнением.

Ключевые слова: А.Н. Островский, словарь, барка, бурлак, профессиональная лексика, Поволжье, лингвокультурная специфика.

Для цитирования: Окуловская С.В. К реконструкции лингвокультурных особенностей барочного судоходства на Волге (по «Материалам для словаря русского народного языка» А.Н. Островского) // Вестник Костромского государственного университета. 2023. Т. 29, № S. С. 79–84. <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2023-29-S-79-84>

Research Article

**TO THE RECONSTRUCTION OF LINGUISTIC AND CULTURAL FEATURES
OF THE BARKA NAVIGATION ON THE VOLGA
(according to A.N. Ostrovsky's "Materials for the Dictionary of the Russian Folk Language")**

Svetlana V. Okulovskaya, candidate of Philological Sciences, NBCD Military Academy, Kostroma, Russia, Okulovskaja_Svetlana@rambler.ru

Abstract. The article provides a reconstruction of the linguocultural features of one of the once most common phenomena in Central Russia - baroque shipping, which is revealed in many ways when studying A.N. Ostrovsky. The lexemes selected by the author for the original dictionary and their detailed interpretation reflect the specifics of the knowledge of the surrounding reality by the people who lived in the Volga region. The lexeme of the *barka* here can be called a staple, penetrating and stitching together that significant part of the vocabulary, which is thematically directly related not only to river transport, but also to the customs of people traditionally engaged in river craft. The lexico-semantic field "navigation", the core of which is the word *barka*, is represented here by vocabulary typical for the Volga regions, which plays a significant role in the ethno-dialect description of the area. "Materials.." A.N. Ostrovsky show that barka shipping was that significant element of the culture of the Volga region, which had its own specific artifacts, traditions associated with them and the corresponding professional vocabulary. This is also confirmed by the data of the modern Russian language, where many lexemes of similar subjects are preserved, but often with new semantic content.

Keywords: A.N. Ostrovsky, dictionary, barka, burlak, professional vocabulary, Volga region, linguocultural specifics.

For citation: Okulovskaya S.V. To the reconstruction of linguistic and cultural features of the barka navigation on the Volga (according to A.N. Ostrovsky's "Materials for the Dictionary of the Russian Folk Language"). Vestnik of Kostroma State University, 2023, vol. 29, № S, pp. 79–84 (In Russ.). <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2023-29-S-79-84>

Разнообразие природных условий, характер русских рек, особенности быта, экономические факторы – всё это определяло направления в народном судостроении, отличающемся в разных районах нашей страны. Как отмечал Н.П. Боголюбов, наиболее многочисленным семейством речных судов в России еще до середины прошлого столетия были барки. Их разнообразие по внешнему виду и размерам было колоссальное и зависело от «ширины и глубины тех рек и каналов, по которым они ходят. Так, в Северной России их насчитывают более 20 видов, в Южной до 13, а в Сибири до 17» [Боголюбов: 635]. Такой несамоходный грузовой водный транспорт был весьма распространён и в Поволжье, где обеспечивал в основном нужды лесного промысла (в отличие, например, от чувовских барок, которые перевозили железо и чугун). Огромный поток лесоматериалов шёл из северо-восточных районов Костромского края, где тяжелые климатические условия, скудные урожаи определили ведущий тип хозяйствования, рассчитанный «главным образом на получение барочного леса» [Переход: 30–31]. Знаменательным событием для местного населения, не имевшего иного источника дохода, было время начала судоходства и спуска на воду барок: «Пенистый вал шёл на противоположный берег. А на этом – ликование! Лесопромышленник кланялся народу: «“Спасибо барошникам! Спасибо, пришедшим! Всё хорошо получилось!” Подрядчик выставлял привезённое угощение народу. Начиналось гулянье...» [Хробостов: 39].

Такие объекты речного судоходства, некогда игравшие огромную роль в жизни народа, являются частью культурного речного наследия, и память о них должна быть сохранена для будущих поколений. Несмотря на замечание А.В. Огорокова об отсутствии на территории Российской Федерации музеев речного судостроения и судоходства, музеев-заповедников «на основе исторических водных путей» [Огороков: 85], нужно сказать, что значительный объём информации об устройстве, особенностях эксплуатации вышедших из употребления, но широко распространённых ранее сплавных судов надёжно сохранился в слове. В разной степени соответствующая лексика представлена в лексикографических изданиях (областных словарях, Толковом словаре живого великорусского языка В. Даля [Даль], «Материалах для словаря русского народного языка» А.Н. Островского [Островский]), в исторических и этнографических очерках, произведениях местных писателей.

Так, например, начало водного пути барки из верховьев одного из крупных притоков Волги – Унжи – всесторонне описано (с привлечением большого количества соответствующей лексики) в рассказах костромского писателя-этнографа И.М. Касаткина. Они близки к документальному изображению со-

бытий и повествуют о жизни населения глухих костромских деревень, где «вся округа занята лесными работами, постройкой барок и сгоном этих барок и плотов весною в низа, на Волгу» [Касаткин: 25]. В краю, где единственным возможным источником заработка был лесной промысел, барочные работы имели особое значение: они были частью быта, культуры, языка жителей, а бурлачество – образом их жизни. Здесь упоминаются многие обычаи и традиции, связанные с началом навигации: исстари установленная «отвальная» [Касаткин: 38], деревенский праздник, когда «вдоль берега зажигаются огромные костры, и угрюмые прибрежные леса до полуночи гудят песнями и пьяным гамом» [Касаткин: 27], традиционные драки деревенских жителей с городскими, неприятие живущих в верховьях реки конкурентов, вызывающее к жизни прозвищную традицию (подробнее об этом см.: [Окуловская]). В рассказе «На барках» автор описывает действия команды бурлаков, которые сплавляют гружённую дровами барку из верховьев Унжи до одного из приволжских городков. И. Касаткин красочно прорисовывает начало пути судна с момента, когда «мужики, бабы, девки. Все вооружены длинными кольями, чтобы в момент, когда под баркой подрубят последнюю стойку, дружно подпереть этими кольями в борт и дать сорокосаженной громаде направление» [Касаткин: 27]. Людей, занятых на сплаве барок, автор называет *бурлаками*. Лексема *бурлак* имеет в рассматриваемом источнике значение, близкое данному в СРНГ с пометой *Астрах., Перм., Нерехт., Костром., Олон.*: «Рабочий на речных судах» [СРНГ 3: 291]. Вопреки распространённому представлению, они не тянут речное судно бечевой, а, находясь на барке, управляют ее движением с помощью различных приспособлений и снастей: *Носовые – на гребь, кормовые – стравив лота! <...> На носу со скрипом заработала влево гребь; на корме глухо зафыркал по кнехту канат спускаемого лота* [Касаткин, 39]. Таким образом, значение лексемы *барка* в данном источнике раскрывается следующим образом: речное несамоходное грузовое судно грубой постройки для перевозки лесоматериалов, сплавляемое вниз по течению реки во время весеннего половодья и управляемое командой бурлаков с помощью носового весла (*гребви*) и груза (*лота*).

Многопланово раскрываются лингвокультурные особенности барочного судоходства при чтении словарных статей «Материалов для словаря русского народного языка» А.Н. Островского. В данном труде знаток «великорусского народного быта и его несомненно верных и до тонкости изученных национальных свойств, а в особенности отечественного языка в изумительном совершенстве» [Максимов: 149–150] запечатлел и многопланово интерпретировал наиболее характерную, важную для понимания народной

жизни лексику. «Материалы...» А.Н. Островского, как отмечают исследователи, воплощают «идеи этнолингвистического подхода, зародившиеся в отечественной лексикографии в XIX в.» [Ганцовская, Верб: 92]. Значительная часть словаря является итогом наблюдений автора над бытом, обычаями, языком жителей Поволжья (Тверской, Ярославской, Костромской и части Нижегородской губерний) во время этнографической экспедиции, организованной Морским министерством, поэтому многие лексемы имеют помету *Волж.* Несомненно, образ жизни, промыслы и культура жителей данных мест были связаны с рекой, и большая часть словаря описывает реалии, связанные с рыболовством и судоходством. При этом участок семантической системы языка, относящийся к барочному судоходству, является здесь, пожалуй, самым информативным и детально проработанным: мы можем найти информацию не только об устройстве, видах барок, но и сопутствующие понятия, связанные с её управлением, а также жизнью, традициями и ритуалами обслуживающих её рабочих. В «Материалах...» представлена лексика, обозначающая различные части барки, снасти и приспособления на ней: *базанная, днище, бичева, бурундук, пыж, кокоры, копани, борты, озды, шакиша, нос, огниво, сопляки, полати, гребни, креслы, ложки, перила, гребенка, губа, дерево, навес, правило, лопасть, лямка, урез, сапог, стрела, казенка, маточная, мурья, пятная, потесь, шейма*; названия барок по месту постройки: *новоторка, белозерка*; названия сходных по устройству с баркой судов: *вышневолоцкая лодка (огибезная лодка, чёрная лодка)*; лодки при барке: *завозня, трезубовка*; названия лиц по роду деятельности: *аравушка, коренной-водоливный, лоцман, обдельцики, чальцики, шишка, бурлак*; прозвища бурлаков: *мосольники, чинопоры*; инструменты, необходимые для ремонта барки: *чекмарь*; глагольная лексика: *засорить, облобачилось, облощить, отодрать, отсорить, отурить, паузить, сбежать*; названия лесоматериалов, перевозимых на барке: *подтоварье (подтоварник), пластинник, кругляк, плашник, подтёсок*; сопутствующие понятия, необходимые для управления баркой: *живая вода, перечень, плёсо, побочны, каряга, понос, чужие, неволя*; слова, имеющие отношения к традициям и обычаям рабочих (бурлаков), обслуживающих барку: *круговник, бичевник, заводить, привальное, курень, трапеца, кабалу наедать*.

Как можно заметить, представленная А.Н. Островским лексика, обслуживающая семантическое поле «судоходство», имеет разное происхождение. Здесь есть и заимствования, например *шейма, лоцман, барка, курень, озды*, однако большая часть образована переходом общеупотребительных слов в специальный язык посредством семантической и словообра-

зовательной деривации. Многие лексемы, входящие в различные тематические группы, переосмыслились в сторону приобретения ими специализированных значений. Лексика барочного судоходства оказалась, таким образом, ассоциативно связанной с русскоязычными словами различной тематики: терминами родства (*маточная*), частями тела (*нос, губа, трезубовка*), предметами обуви (*сапог*), лексикой природы (*дерево, бурундук*), предметами быта, частями жилища (*гребенка, лямка, полати, перила, огниво*) и др.

Само слово *барка* и его дериваты при интерпретации лексем встречаются в «Материалах...» более 50 раз, а словарная статья, описывающая данное судно, занимает такой солидный объём, какого не удостоено ни одно другое слово. О том, что барка была центральным объектом в судоходстве того времени, мы можем судить из объяснений слов в «Материалах» А.Н. Островского, в которых слово *барка* часто фигурирует как своеобразный эталон, с которым сравниваются другие суда и их устройство. Так, например, используется данная лексема при интерпретации словосочетания *вышневолоцкая лодка* («судно верхней Волги, устройством сходное с *баркой*, с тою только разницей, что днищевые доски выходят из подводной части, загибаются и пришиваются к бортам <...> Они строятся прочнее и чище *барок* и служат до пяти вод. Оснастка та же, что на *барках*» [Островский]), *навес* («руль на лодках и пармах, а на *барках* потеси» [Островский]). Также часто при объяснении понятий в кругу других судов *барка* выделяется особо. Таковы, например, толкования слов *пыж* («толстый обрубок дерева на носу и на корме *барки* и других судов» [Островский]), *коренной-водоливный* («работник на *барке* и других большемерных и мелких судах, предназначенных к верховому ходу» [Островский]), *обдельцики* («так называются рабочие, занимающиеся устройством на *барках*, унженских лодках и других судах рулей, мачт, озд, кресельных стоек и др. принадлежностей, потребных к верховому ходу» [Островский]). Именно данное судно приводится и в качестве иллюстраций, например, в описании слова *отодрать* («отчалить от берега. – Отодрать от берега *барку* (при сплаве)» [Островский]).

Статья на слово *барка* представляет в «Материалах...» информацию о том, что данные суда на Волге проходили только один водный путь. Это определяло особенность их грубой и примитивной постройки, поскольку торговцы лесом «не рассматривали их в качестве самоценного объекта, а лишь как средство доставки груза. <...> Суда были рассчитаны на один-два рейса и продавались в пункте прибытия на строевой лес и дрова. При таких условиях не было смысла гнаться за прочностью и судоходными достоинствами судов, и всё сводилось лишь к дешевиз-

не и простоте постройки» [Традиционное судостроение: 402–403]. Однако описание А.Н. Островским барки, идущей по «большой воде» волжского бассейна, всё же отличается от того, ещё более примитивного, что представлено в материалах И. Касаткина. Это уже более солидное по размерам и более сложное по конструкции судно. Рулевое управление осуществляется с помощью *потесей*, *гребни* же являются лишь вспомогательным средством и устанавливаются по бокам барки. Словарные статьи «Материалов...» показывают, что данное судно в бассейне Волги идёт не сплавом, а предназначено преимущественно для передвижения против течения («к верхнему ходу» [Островский]), обеспечивающегося силой рабочих, тянущих барку с помощью *бичевы*. Устройство барки, таким образом, усложняется, появляются соответствующие снасти и приспособления, например, *бурундук* («веревка с кольцом, в которое продета бичева; привязывается на носу. Посредством бурундука лоцман правит баркой, то притягивая, то ослабляя бичеву; но злоупотребляя этим способом, можно измучить бурлаков, задержат их, как задерживают лошадь вожжами» [Островский]). Данное толкование показывает особенность подачи значений слов в «Материалах...»: часто словарная статья помимо «сухой» дефиниции содержит авторские комментарии этнографического, этимологического, культурологического характера. Приведённое толкование с привлечением комментария относительно особенностей управления снастью раскрывает значение другой лексемы, которая не вынесена в качестве заголовочного слова – *бурлак*. В бассейне Волги этот работник находится на берегу и тянет барку при помощи бичевы, что отличает его работу от бурлаков, действующих в крупных северных притоках.

Интересны показанные в «Материалах...» традиции и обычаи бурлаков, представляющих особую социально-профессиональную группу. А.Н. Островский раскрывает существование прозвищ, которые давали бурлакам, подмечая различные черты их поведения. В.Г. Короленко писал, что бурлаки – «более всех отягощённые трудом и наименее ценимое детище – пасынок матушки Волги» [Короленко: 228] – были объектом насмешек и обид: «ругают их капитаны в рупор, когда они загораживают плотами стержень реки, ругают кассиры на обратной путине, на пристанях, <...> на пароходах, куда их принимают после торга» [Короленко: 228]. Такое унижительное отношение приводит к появлению большого количества негативных прозвищ. В Словаре А.Н. Островского приведены два из них: *мосольники*, которое имеет комментарий относительно происхождения («они по очереди гложат мослы» [Островский]) и *чинопоры* (лишь с представленной пометой относительно его географии – *Астрах.* [Островский]).

Существовали, как подмечает в «Материалах...» А.Н. Островский, и особые традиции питания бурлаков. Они отражены в лексемах: *трапеза* («обед бурлаков» [Островский]), *курень* («хлеб, пекшийся для бурлаков» [Островский]). М. Фасмер определяет происхождение последней лексемы как заимствование из чагатайского *kügän*, имеющего значения «1) толпа, племя, отряд воинов; 2) пекарня» [Фасмер 2: 425], которые помогают раскрыть мотивацию данной лексемы, обозначающей особый хлеб, пекшийся для группы людей, представляющей тесно спаянный трудовой коллектив.

Привлекает внимание интерпретация в «Материалах...» устойчивого выражения *кабалу наедать*, возникновение которого, как показывают авторские комментарии, связано с особенностями бурлацкого труда: его оплатой, тяжелыми условиями работы, бесправностью бурлаков: «Бурлаки рядились на Волге за известную плату от места до Рыбинска с вычетом из этой платы хозяину за харчи, употребленные ими во время путины. Очень часто от противных ветров, мелководья, частых перегрузок, кроме лишнего труда, пропадало много времени, так что бурлаки проедали на харчах не только свою рюда, но и наедали на себя кабалу, которую должно отработать в следующем году. *Волга*» [Островский].

В своём лексикографическом труде А.Н. Островский даёт представление также о традиции, связанной с завершением пути барки. Словарная статья на лексему *привальное* («Выпивка по окончании путины. Бурлаки, дотянув судно до Рыбинска, пьют “привальное”» [Островский]) показывает, что знаменательным событием волжских бурлаков было прибытие в конечный пункт назначения. Сопоставление с традициями бурлаков в Поунжье, показанных И. Касаткиным, приводит нас к выводу о различных приоритетах, ценностях бурлаков, ведущих барки по Волге и по северным её притокам. В материалах И. Касаткина представлена противоположная традиция, которая передается антонимической лексемой *отвальная*. Унженские бурлаки устраивали празднование при отправлении барки в путь. Вот как представляет это автор: «Перед нами стоял полведёрный бочонок водки: мы пили исстари установленную *отвальную*», неприкосновенность которой Карп Савельич долго отстаивал до следующего дня, так как город ещё близко, а склонность наша к побегу известна» [Касаткин: 38].

Подводя итог вышесказанному, отметим, что лексико-семантическое поле «судоходство», ядром которого в «Материалах...» А.Н. Островского является слово *барка*, представлено здесь характерной для Волжских регионов лексикой, которая играет значительную роль в этнодиалектном описании ареала. Барочное судоходство являлось в Поволжье тем значимым элементом действительности (со своими

артефактами, лексикой, традициями), корни которого прочно вошли в русскую культуру и язык. В связи с этим хочется привести высказывание Т.И. Вендиной о том, что «разная лексическая плотность того или иного семантического поля свидетельствует о разной культурной значимости слова в тех или иных диалектах, которая и привела к их дифференциации» [Вендина: 45]. Можно с уверенностью сказать, что барочное судоходство (как это прекрасно показал в своих «Материалах...» А.Н. Островский) является тем самым участком «языкового напряжения» [Вендина: 45], который говорит о культурной значимости слова *барка* и связанной с ним лексики в Поволжских диалектах. Влияние лексикона и традиций бурлаков на русский язык и культуру отмечал ещё Д.К. Зеленин. «Бурлаки переносили из одних мест в другие фольклорные произведения и диалектологические особенности» [Зеленин: 397]. Такие слова, как *бечева*, *бечевник*, *шишка*, живут в современном русском языке новой смысловой жизнью, но сохраняют память об ушедшей эпохе. В диалектах свою жизнь продолжает и слово *барка*, развившее более широкие или переносные значения, применимые к современным денотатам: *лёд*, *плывущий по реке* (в ярославских и новгородских говорах), *полная женщина* (в вологодских говорах), *лодка* (в костромских и ярославских говорах), *артель по заготовке леса* (в костромских говорах) [ЯОС 1: 37; СРНГ 2: 116–117; КрКОС: 25].

Таким образом, «Материалы...» А.Н. Островского, являясь ценным источником изучения народной лексики, позволяющим получить разносторонние знания о многих сторонах жизни населения Поволжья, более всего концентрируют внимание читателя на наиболее значимом, отражающем особенности культурной и профессиональной жизни фрагменте действительности. В фокусе повышенного внимания выступает барочное судоходство. Слово *барка* в данном источнике можно назвать скрепой, которая пронизывает и сшивает воедино ту значительную по объёму часть словаря, что связана с речным транспортом. Благодаря особенной манере толкования с привлечением разносторонних фоновых сведений, «Материалы...» обладают высокой степенью информативности и отражают не только характерную профессиональную лексику, но и лингвокультурную составляющую барочного судоходства.

Список литературы

- Боголюбов Н.П. Ладожское озеро. Санкт-Петербург. 1870. 756 с.
- Вендина Т.И. Русские диалекты в зеркале культурно-языковой диалектологии // Актуальные проблемы русской диалектологии: материалы Междунар. конф. 29–31 октября 2021 г. Москва: Институт русского языка им. В.В. Виноградова РАН, 2021. С. 45–48.
- Ганцовская Н.С., Верба И.П. Место словаря А.Н. Островского в русской лексикографической практике // Acta Linguistica Petropolitana. Труды института лингвистических исследований. Санкт-Петербург: Институт лингвистических исследований РАН, 2008. Т. 4, № 3. С. 86–93.
- Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. Москва: ОЛМА-ПРЕСС, 2001.
- Зеленин Д.К. Терминология старого русского бурлачества // А.А. Шахматов. 1864–1920: сб. ст. и материалов / под ред. С.П. Обнорского. Москва; Ленинград: Изд-во АН СССР, 1947. С. 391–397.
- Касаткин И.М. Мужик. Москва: Советский писатель, 1991. 382 с.
- Короленко В.Г. В пустынных местах / Полн. собр. соч. Петроград: Тов-во А.Ф. Маркс, 1914. Т. 5. 424 с.
- КрКОС – Живое костромское слово. Краткий костромской областной словарь / сост. Н.С. Ганцовская, Г.И. Маширова; отв. ред. Н.С. Ганцовская. Кострома, 2006. 347 с.
- Максимов С.В. Александр Николаевич Островский (По моим воспоминаниям) // Литературные путешествия. Москва: Современник, 1986. 416 с.
- Огороков А.В. Ока и Окское судоходство в XVIII – конце XIX века // Исторический журнал: научные исследования. Москва: Российский институт культурологии, 2012. № 3 (9). С. 85–106.
- Окуловская С.В. Этнодиалектные особенности говоров Верхнего Поунжья: лексика лесного сплава // Вестник Костромского государственного университета. 2022. Т. 28, № 2. С. 217–223.
- Островский А.Н. Материалы для словаря русского народного языка. URL: <http://ostrovskiy.lit-info.ru/ostrovskiy/public/materialy-dlya-slovary.htm> (дата обращения: 25.05.2023).
- Переход В.И. Хозяйство на барочный лес в Новинской лесной даче Кологривского уезда Костромской губернии // Труды КНО по изучению местного края. Вып. 25 (Третий лесной сборник). Кострома: 2-ая гос. типография, 1921. С. 29–37.
- СРНГ – Словарь русских народных говоров / гл. ред. Ф.П. Филин, Ф.П. Сороколетов, С.А. Мызников. Т. 1–50. Москва; Ленинград. Санкт-Петербург, 1965–2017.
- Традиционное судостроение как часть культурного наследия народов России. Т. 1 / под общ. ред. А.В. Огорокова. Москва: Рос. науч.-исслед. ин-т культур. и природ. наследия им. Д.С. Лихачёва, 2021. 558 с.
- Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: в 4 т. / пер. с нем. О.Н. Трубачёва. Москва: Прогресс, 1986–1987.
- Хробостов А.В. Лебединая песня моего сердца. Кострома: Фабрика сувениров, 2015. 408 с.
- ЯОС – Ярославский областной словарь: в 10 т. / под ред. Г.Г. Мельниченко. Ярославль, 1981–1991.

References

- Bogoliubov N.P. *Ladozhskoe ozero* [Ladoga lake]. Saint Petersburg, 1870, 756 p. (In Russ.)
- Vendina T.I. *Russkie dialekty v zerkale kul'turno-iazykovoï dialektologii* [Russian dialects in the mirror of cultural and linguistic dialectology]. *Aktual'nye problemy russkoi dialektologii: materialy Mezhdunar. konf. 29–31 oktiabria 2021 g.* [Actual problems of Russian dialectology: proceedings of the International Conference October, 29–31, 2021]. Moscow, Institut russkogo iazyka im. V.V. Vinogradova RAN Publ., 2021, pp. 45–48. (In Russ.)
- Gantsovskaia N.S., Verba I.P. *Mesto slovaria A.N. Ostrovskogo v russkoi leksikograficheskoi praktike* [The place of A.N. Ostrovsky's dictionary in Russian lexicographic practice]. *Acta Linguistica Petropolitana. Trudy instituta lingvistichestkikh issledovaniï* [Acta Linguistica Petropolitana]. Saint Petersburg, Institut lingvistichestkikh issledovaniï RAN Publ., 2008, vol. 4, No. 3, pp. 86–93. (In Russ.)
- Dal' V.I. *Tolkovyi slovar' zhivogo velikorusskogo iazyka: v 4 t.* [Explanatory dictionary of the living Great Russian language: in 4 vols.]. Moscow, OLMA-PRESS Publ., 2001. (In Russ.)
- Zelenin D.K. *Terminologiya starogo russkogo bur-lachestva* [Terminology of old Russian burlachstvo]. *A.A. Shakhmatov. 1864–1920: sb. st. i materialov* [A.A. Shakhmatov. 1864–1920: Collection of articles and materials], ed. by S.P. Obnorskii. Moscow, Lenin-grad, Izd-vo AN SSSR Publ., 1947, pp. 391–397. (In Russ.)
- Kasatkin I.M. *Muzhik* [Man]. Moscow, Sovetskii pisatel' Publ., 1991, 382 p. (In Russ.)
- Korolenko V.G. *V pustynnykh mestakh* [In desert places]. *Poln. sobr. soch.* [Full composition of writings]. Petrograd, Tov-vo A.F. Marks Publ., 1914, vol. 5, 424 p. (In Russ.)
- KrKOS – *Zhivoe kostromskoe slovo. Kratkii kostromskoi oblastnoi slovar'* [Living Kostroma word. Brief Kostroma Regional Dictionary], comp. by N.S. Gantsovskaia, G.I. Mashirova; ed. by N.S. Gantsovskaia. Kostroma, 2006, 347 p. (In Russ.)
- Maksimov S.V. *Aleksandr Nikolaevich Ostrovskii (Po moim vospominaniïam)* [Alexander Nikolayevich Ostrovsky (According to my recollections)]. *Literaturnye puteshestviia* [Literary travels]. Moscow, Sovremennik Publ., 1986, 416 p. (In Russ.)
- Okorokov A.V. *Oka i Okskoe sudokhodstvo v XVIII – kontse XIX veka* [Oka and Oka shipping in the 18th - late 19th centuries]. *Istoricheskii zhurnal: nauchnye issledo-vaniia* [Historical journal: scientific research]. Moscow, Rossiiskii institut kul'turologii Publ., 2012, No. 3 (9), pp. 85–106. (In Russ.)
- Okulovskaia S.V. *Etnodialektnye osobennosti govorov Verkhnego Pounzh'ia: leksika lesnogo splava* [Ethno-dialectal features of the dialects of the Upper Pounzhie: vocabulary of timber rafting]. *Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of the Kostroma State University], 2022, vol. 28, No. 2, pp. 217–223. (In Russ.)
- Ostrovskii A.N. *Materialy dlia slovaria russkogo narodnogo iazyka* [Materials for the dictionary of the Russian folk language]. URL: <http://ostrovskiy.lit-info.ru/ostrovskiy/public/materialy-dlya-slovary.htm> (access date: 25.05.2023). (In Russ.)
- Perekhod V.I. *Khoziaistvo na barochnyj les v Novinskoj lesnoj dache Kologrivskogo uезда Kostromskoj gubernii* [Baroque forest farm in Novinsky forest dacha, Kologrivsky district, Kostroma province]. *Trudy KNO po izucheniyu mestnogo kraya. Ed. 25 (Tretij lesnoj sbornik)* [Proceedings of the Kostroma Scientific Society for the study of the local region. Vol. 25 (Third forest collection)]. Kostroma, 2th st. tipografiya Publ., 1921, pp. 29–37. (In Russ.)
- SRNG – *Slovar' russkikh narodnykh govorov* [Dictionary of Russian folk dialects], ed. by F.P. Filin, F.P. Sorokoletov, S.A. Myznikov. Vols. 1–50. Moscow, Saint Petersburg, 1965–2017. (In Russ.)
- Traditsionnoe sudostroenie kak chast' kul'turnogo naslediiia narodov Rossii. T. 1* [Traditional shipbuilding as part of the cultural heritage of the peoples of Russia. Vol. 1], ed. by A.V. Okorokov. Moscow, Ros. nauch.-issled. in-t kul'tur. i prirod. naslediiia im. D.S. Likhacheva Publ., 2021, 558 p. (In Russ.)
- Fasmer M. *Etimologicheskii slovar' russkogo iazyka: v 4 t.* [Etymological dictionary of the Russian language: in 4 vols.], trans. from German by O.N. Trubachev. Moscow, Progress Publ., 1986–1987. (In Russ.)
- Khrobostov A.V. *Lebedinaya pesnya moego serdca* [Swan song of my heart]. Kostroma, Fabrika suveni-rov Publ., 2015, 408 p. (In Russ.)
- IaOS – *Iaroslavskii oblastnoi slovar': v 10 t.* [Yaroslavl Regional Dictionary: in 10 vols.], ed. by G.G. Mel'nichenko. Yaroslavl, 1981–1991. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 06.06.2023; одо-
брена после рецензирования 27.06.2023; принята к пуб-
ликации 18.07.2023.

The article was submitted 06.06.2023; approved after
reviewing 27.06.2023; accepted for publication 18.07.2023.